

Информационное чародейство: оккультное наступление на социальные институты

Источник: [здесь](#)

Уровни иммедиалистских организаций (организаций Прямого Действия)

Сборище. Что угодно — от дружеской вечеринки до уличного бунта. Может быть запланированным или незапланированным, но спонтанность должна присутствовать в любом случае, для того чтобы все было «по-настоящему». Примеры: анархистские сходки, неоязыческие празднества, пьяный разгул, непродолжительные городские беспорядки или спонтанная демонстрация. Конечно, лучшими из сборищ становятся ВАЗ, такими, как би-ины шестидесятых, ранние сходки Племен Радуги или Стоунвольский мятеж[1].

Горизонтальный потлач[2]. Единовременная встреча группы друзей для обмена подарками, а также банкеты (здесь в роли подарка выступает еда). Запланированная оргия также может попасть в эту категорию — в этом случае подарком становится сексуальное удовольствие.

Команда. Команда Прямого Действия — это группа друзей, регулярно встречающихся для работы над отдельным проектом. Команда может выступать как организационный комитет потлача, как творческий союз, как братство по оружию и т.д. Такая Команда напоминает «Плеяду увлеченных» Фурье: это группа, объединенная общей страстью, которая может быть реализована только в группе.

Когда членство в Команде становится более или менее постоянным, а цели Команды выходят за рамки одного проекта, следует говорить уже о постоянно действующем клубе, *Gesellschaft*, построенном на неиерархической основе или тайном неиерархическом обществе по типу Тонга. Последнее сейчас представляется более актуальным по ряду

тактических причин, а также в связи с тем, что клуб всегда находится под угрозой «институционализации» и потому (как сказал Иван Иллич) в ситуации «парадоксальной контр-продуктивности». (Иными словами, превращаясь в учреждение, он вынужден осуществлять жесткую и монополистическую внутреннюю политику, что противоречит тем целям, для достижения которых он изначально создавался. Общества, основанные во имя «свободы», становятся авторитарными и т.д.) Традиционное тайное общество, такое, как Тонг, также тяготеет к этому, однако Тонг Прямого Действия построен таким образом, что он самоуничтожается, как только перестает удовлетворять своему назначению.

ВАЗ может вырасти из любой или из всех описанных форм, прорасти тонким стеблем, полноценным деревом или настоящими зарослями. Хотя я говорил уже, что ВАЗ может существовать всего одну ночь или же целых два года, это лишь крайности, и между ними можно разыскать примеры любой длительности. И все-таки ВАЗ — это нечто большее, чем просто каждая из описанных четырех форм. Пока она длится, она приковывает к себе внимание всех ее участников. На какое-то (короткое) время она становится полноценным обществом.

В финале, в ходе восстания, ВАЗ выходит за собственные границы и растекается (или стремится растечься) по «всему миру» — становится доступным всеобщее пространство/время прямого действия. Пока длится восстание и до тех пор, пока оно не закончится по причине поражения или не перейдет в «Революцию» (каковая стремится к завоеванию необратимых достижений), сознание большинства его последователей насыщено впечатлениями, предельно ясно, обращено к новым возможностям индивидуальной и совместной реализации и (что греха таить) преисполнено счастья, состояния, столь характерного для великих социальных переворотов, таких, как Парижская Коммуна или 1968 год. С экзистенциальной точки зрения (здесь мы ссылаемся на Штирнера, Ницше и Камю), это-то счастье в действительности и есть цель восстания.

Цели иммедиалистских организаций

Сожительство — совместное проживание группы в физической близости для всецелого увеличения количества и качества удовольствий ее членов[3].

Творчество — сотрудничество с целью прямого и неопосредованного производства необходимой красоты вне всяких структур гипермедиации, отчуждения, потребления[4]. Мы переросли софистику и не хотим ничего разжевывать. Если вы не понимаете, что мы имеем в виду под «необходимой красотой», дальше можете не читать. «Искусство» есть только одна из малых сфер этой великой мистерии, и необязательно самая жизненная из них.

Разрушение. Мы пошли дальше Бакунина и говорим, что творчество невозможно без разрушения. Всякое привнесение в бытие новой красоты подразумевает, что старое уродство будет выметено вон или взорвано. Красота утверждается отчасти (но практически каждый раз) разрушением уродства, которое всегда не самодостаточно. В соответствии с

нашей версией сорелианского мифа о социальном насилии никакой иммедиалистский акт не может считаться таковым и не может обладать должным эффектом, если он не будет сопряжен равно с творчеством и разрушением: целостная диалектика Прямого Действия соединяет в себе как творчество-в-разрушении, так и раз-рушение-в-творчестве. Отсюда, кстати, проистекает «поэтический терроризм», потому-то действительной целью, или телосом, всех перечисленных форм организации является:

Конструирование ценностей. Масловское «крайнее переживание» формирует индивидуальные ценности. Команда, Тонг, ВАЗ или восстание позволяют перейти к «переоценке ценностей» в массовых масштабах. Говоря иначе, вплотную подойти к трансформации повседневной жизни.

Связь между типом организации и ее целью продиктована тактикой. Проще говоря, чем занята организация Прямого Действия? Наша «стратегия» состоит в подготовке оптимальных условий для возникновения ВАЗ (или даже Мятежа) — но каковы те специфические меры, которые должны быть предприняты для реализации данной стратегии? Лишенная тактики иммедиалистская организация может рассыпаться за короткое время. Прямое Действие должно опережать «причину», повлекшую его, но также должно обладать необходимым потенциалом для того, чтобы «причина» могла рождаться в нем самом. В действительности каждое действие в потенции должно быть не только нацелено на достижение цели, но и отождествляться с ней. Мы не можем использовать такую тактику, которая сводилась бы к опосредованным действиям. Каждое действие должно немедленно достигать цели, по крайней мере в каком-то отношении, иначе мы обнаружим, что работаем на абстрагирование от собственных целей или даже на их симуляцию. Поэтому любая из многочисленных тактик и акций должна представлять нечто большее, чем просто сумму собственных частей, должна давать жизнь ВАЗ или Восстанию. Подобно тому, как обыкновенные типы организаций не могут обеспечить необходимые нам структуры, обыкновенные тактики не могут удовлетворить нашему требованию создавать непосредственные и мятежные «ситуации».

Карнавал, и тактика, и цель. Он благороден сам по себе, может служить как своей формой, так и содержанием таким типам организаций, как сборище, потлач, банкет. Но карнавал сам по себе нуждается в преобразующей энергии, основным источником которой является комплекс действий, который включает в себя и то, что мы называем «разрушением», и так называемое «творчество». Идеальная организация Прямого Действия нацелена на достижение этой более комплексной цели и подразумевает сожительство как необходимую ей структуру. Другими словами, группа, собираясь вместе для того, чтобы спланировать потенциальную ВАЗ, уже осуществляет Прямое Действие. «Добавляя» к этому райское блаженство человеческой близости, она тем самым честно борется за еще более восхитительные достижения и прорывы. Может показаться, что квинтэссенцией всех акций и тактик Прямого Действия будет такая тактика, которая соединит в себе в одно и то же время творчество и разрушение, а не останется только лишь одним карнавалом. Именно в этом смысле (и только в нем) Команда и Тонг — более «высокие» формы организации, чем сборище и потлач.

В Команде акцент ставится на творчество, на строительство, на совместный арт-проект, групповой производительный акт, направленный скорее на самих себя и на реальность, нежели на какую бы то ни было «публику» или опосредованного потребителя. Разумеется, Команда также может замышлять или предпринимать разрушительные или «преступные» действия. Но когда она так поступает, это первый шаг на пути к ее превращению в тайное общество — Тонг Прямого Действия. Поэтому я думаю, что Тонг — это более сложная (или «более высокая») форма организации Прямого Действия, которая может быть заранее определена к достижению заметной степени влияния. Возникновение ВАЗ и восстания зависит в конечном итоге от многих факторов «организационного» порядка, если только с самого начала этому процессу не сопутствовал особый «успех». Как я уже говорил, мы можем максимально расширить возможности ВАЗ или мятежа, но мы не можем в действительности «организовать» их или обеспечить им успех. Между тем Тонг может быть точно определен и организован, и может осуществлять сложные акции как материального, так и символического характера, как созидательные, так и разрушительные. Тонг не может гарантировать появление ВАЗ, Коммуны, «реставрации династии Мин» (великого Праздника Сознания), объективного совпадения всех желаний.

Помня обо всем этом, попытаемся представить и критически рассмотреть возможную тактику группы Прямого Действия, а также идеал хорошо организованного полупостоянного Тонга, или по-настоящему тайно действующей группы, или сети родственников, способной покуситься на полноценное Прямое Действие в русле четко выраженной стратегии. Всякое подобное действие должно в одно и то же время повреждать или уничтожать некоторое реальное и/или воображаемое пространство-время «врага», одновременно давая участникам хороший шанс окунуться в экстремальное переживание или «приключение»: всякая тактика, таким образом, по сути, служит захвату и отделению вражеского пространства и в конечном итоге его занятию и преобразованию. Всякая тактика или акция сама по себе потенциально уже представляет собой целый «Путь» к автономии, так как любое обращение к Реальности (в соответствии с «гнозисом» измаилитов и гетеродоксального суфизма) целиком содержит в себе путь духа.

Но постойте! Во-первых, кто такой «Враг»? Все сказанное может быть приложимо к секретным службам истеблишмента или системам психического контроля. Мы же ведем речь о прямых действиях в реальном времени, которые должны осуществляться «против» видимых узлов власти реального же времени. Дискуссии об абстрактных врагах, таких, как «государство», заведут нас в тупик. Я страдаю не от репрессивности или отчуждения, порожденных какой-либо железобетонной целостностью по имени «государство» напрямую, а от специфических групп, таких, как учителя, полиция, начальство и т.д. «Революция» может быть и нацелена на свержение «государства», но мятежники и все иммедиалистские группы должны найти для себя мишень, которая не будет идеей, клочком бумаги, «привидением», сковывающим нас при помощи наших же собственных дурных снов о власти и немощи. Да, мы будем играть в войну с миражами. Но миражи связаны воедино некой сетью. Зрелище обладает структурой, а структура состоит из точек, пересечений, хитросплетений и уровней. Зрелище даже может иногда иметь конкретный адрес. Оно не реально так, как реальны ВАЗ. Но оно достаточно реально для того, чтобы его атаковать.

Тексты Прямого Действия в значительной степени адресованы людям «творчества» и людям, «не признающим авторитетов», а кроме того, иммедиализм — это не политическое движение, а игра, даже эстетическая игра. Поэтому совершенно очевидно, что мы должны искать нашего врага в медийной сфере, особенно в области репрессивных информационных структур. Например, для студента давящим и отчуждающим институтом-посредником будет образование, средоточием которого (точкой приложения подавляющей силы) станет ВУЗ. Для деятеля искусства самый важный источник отчуждения — это тот комплекс, который мы обычно называем «медиа». СМИ и шоу-бизнес узурпировали ниву искусства, в то время как мы хотели бы возделывать ее сами. Они перестроили все каналы творческой коммуникации для целей циркуляции предметов потребления или отчуждающих образов, создав прогнанный насквозь «дискурс». В прошлом отчуждающим институтом была церковь, а участники Восстания, выступавшие против организованной религии, говорили на языке еретической духовности. Точно так же, как Церковь в свое время состряпала небылицу про якобы существующую труднодоступность святости или спасения, СМИ создают миф о труднодоступности ценностей и «смыслов». Точно так же, как Церковь пыталась стать монополистом в духовной сфере, СМИ стараются переделать сам язык, сделать его делом одного только разума в отрыве от тела. СМИ отделяют смыслы от телесности, от повседневной жизни так же, как Церковь объявляла тело средоточием зла, а повседневную жизнь грехом. СМИ определяют сами себя (или свой собственный дискурс) как истинный мир. Мы — настоящие потребители, живущие в иллюзорном мире чьей-то черепной коробки. Через глазницы телевизоров мы всматриваемся в мир живых, мир «богатый и знаменитый», настоящий мир. Некогда религия объявляла мир иллюзией, а небеса — единственным настоящим (правда-правда!) миром. В наши дни история повторяется. Повстанцы той эпохи говорили о Церкви как о главной ереси. То же самое повстанцы дня сегодняшнего должны говорить о медиа.

Легко почувствовать ностальгию по битвам с таким величественным когда-то врагом, как Римская Католическая Церковь. Я и сам пытался убедить себя, что эта полинявшая, ненавидящая секс кошмарина и по сей день достойна того, чтобы строить против нее заговоры. Проникнуть в церковный аппарат; засунуть на полку с трактатами прекрасные порнографические открытки с надписями вроде «Таково лицо Бога»; подложить дада/вудуистские штучки под фамильные скамьи и за алтарь; послать оккультные манифесты епископу и клиру; запустить пару сатанистских историй на страницы желтой прессы; оставить следы ложки Иллюминатов... Еще более подходящей мишенью могли бы стать мормоны, которые хоть и запутались совершенно в сетях высокотехнологичного гипермедиа, но до сих пор крайне чувствительны ко всякой «черной магии»[5].

Телепроповедники — это особенно соблазнительный сплав СМИ и плохой религии. Но когда они наберут настоящую силу, церкви придут в полное запустение. Бог их покинул. Теперь у Бога есть собственное ток-шоу, свои корпоративные спонсоры, своя вещательная сеть. Поэтому настоящая цель — все-таки СМИ.

«Магическая атака» — подходящая тактика против новой церкви и «новой инквизиции», ибо медиа, подобно церкви, осуществляет свою деятельность посредством «магии», посредством манипуляций символами. Фактически самая большая наша проблема, касающаяся штурма СМИ, состоит в том, чтобы разработать такую тактику, которую не смог

бы подмять под себя Вавилон, сделавшись от этого только мощнее. Бестолковый репортаж в прямом эфире, сообщающий о том, что *CBS* атакована радикально настроенными колдунами, просто станет еще одной частью «зрелища недовольства», субманихейской драмы фальшивого дискурса. Лучшей защитой от этого будет изощренная сложность и эстетическая глубина нашего символизма, содержащая иррациональные величины, не переводимые в целые числа языка, на котором говорят картинки из ящика. Другими словами, даже если «они» попытаются адаптировать наш видеоряд для своих целей, он будет нести в себе неожиданный «вирусный» подтекст, который заразит «их» и обездвижит, вызвав тошнотворные симптомы заболевания, известного как «поэтический терроризм».

Хорошей задумкой мог бы стать взрыв на телебашне, ответственность за который можно было бы переложить на Американское поэтическое общество (которое, по идее, должно было бы взрывать телебашни). Однако такому чисто деструктивному акту не хватает творческого аспекта для того, чтобы называться подлинной тактикой Прямого Действия. Каждое разрушительное действие в идеале должно быть также и актом созидания[6].

Возможно, стоит нарушить прием телепередач в каком-нибудь одном квартале и в то же самое время закатить грандиозный фестиваль, превращающий местные дворы в территорию свободы, ВАЗ. Вот тогда момент разрушения и момент созидания сольются в настоящем Прямом Действии красоты и террора, в бакунинском, ситуационном, наконец, подлинно дадаистском действе. СМИ могут попробовать исказить это действо и присвоить его силу, но даже если это и произойдет, СМИ никогда не смогут стереть впечатления, оставшиеся в памяти людей, а быть может, СМИ после всего будут молчать, ибо все событие целиком окажется слишком сложным, для того чтобы они смогли переварить его и высрать в виде «новостей».

Подобное чрезвычайно усложненное действо лежит за пределами возможностей всех типов организации, кроме самого богатого и в совершенстве развитого Тонга Прямого Действия. Но сам принцип приложим и к организациям с более низким уровнем сложности. Например, представьте, что группа студентов хочет протестовать против отупляющего эффекта образования. В один прекрасный день они ломают школьное оборудование или расстреливают здание школы. Это так же легко сделать, как и обнаружить дерзких виновников. Подобное действие хоть и является чисто негативным, может быть тем не менее истолковано авторитетами, как «отклонение от нормы». Таким образом его энергия может быть поставлена под контроль. Смутьяны должны были бы «снабжать» учеников ценной информацией, красотой и ощущением приключения. Следующая задача — распространение листовок об анархизме, надомном обучении, критике СМИ и прочем. Они могут быть «случайно забыты» или могут распространяться среди других студентов, факультетов, даже появиться в печати. Лучше всего, если будет предложена альтернатива самой школе — обучение через совместное проживание, фестивали, свободное посещение занятий, творческую деятельность.

Вернемся к проекту «магической атаки» медиатвердыни, или к информационному чародейству. Для успеха этой атаки тем более важно, чтобы творческие и деструктивные элементы сочетались (насколько это возможно) в одном — в арт-проекте Прямого Действия, или поэтическом террористическом акте. Мы надеемся, что тогда это действие окажется

слишком сложным для того, чтобы СМИ могли, как обычно, превратить его в источник собственного питания. Например, было бы пустой тратой времени и усилий забрасывать СМИ картинками ужасов, зверств, серийных убийств, инопланетных извращенцев, садомазохистских безумств и т.п., ведь медиа и есть главный поставщик такого видеоряда. Кошмарный сатанизм хорошо подходит для того, чтобы держать зрителя в узде страха — ради этого и создается большая часть телевизионных программ. Не вам тягаться с так называемыми «Новостями» в деле изображения отталкивающих, отвратительных натуралистических картин животного ужаса и окровавленных трупов. Многоголовое чудовище СМИ (если на секунду персонифицировать нашего врага) будет несказанно удивлено, если кто-то озаботится возвращением всей этой мерзости по обратному адресу, однако подобное действие не произведет на него никакого оккультного эффекта[7].

Давайте представим (и снова мы предпринимаем «мыслительный эксперимент»!), что известного размера группа каббалистов-иммедиалистов, преисполненная самых серьезных намерений, держит в руках координаты (включая факс, телефон, e-mail или еще что-нибудь) исполнительской и творческой группы телевизионного шоу, воплощающего крайний случай отчуждения и психической отравы (пусть это будет «Дорожный патруль»). В своем «Малайском проклятии темного Джинна» я предлагал посылать таким людям коробку, содержащую дада/вудуистские предметы и записку с предупреждением о том, что место их работы проклято. Тогда я опасался рекомендовать наложение проклятий на отдельных людей. Сейчас я настоятельно рекомендую делать это — и даже кое-что похуже. Я бы послал этим зомби фотографию кошмарной гадины, пресмыкающегося восточных исламских еретических джунглей, вроде той, что я упомянул в плане операции «Черный джинн», поскольку СМИ выказывают непомерный страх перед «исламской угрозой» и демонстрируют махровый шовинизм по отношению к мусульманам. Однако теперь мне бы хотелось сильно усложнить наш план и используемые в нем образы. Надо будет послать продюсерам и сценаристам телевизионных передач причудливые и путающие сюрреалистические «ящички», содержащие прекрасные, но «запрещенные» картины сексуального наслаждения[8] и трудно постигаемые духовные символы, глубокие, многосмысленные образы автономии и удовольствия от самореализации, исполненные чрезвычайно искусно, многогранно, загадочно. Эти диковины должны быть сделаны с настоящим художественным рвением и с высочайшим вдохновением, но каждая из них — всего лишь оружие, нацеленное на какого-то одного конкретного человека — жертву чародейства.

Получатели будут, вероятно, ошарашены этими анонимными «подарками», но скорее всего не станут ни уничтожать, ни даже поначалу обсуждать их. Впрочем, если даже и станут, это не беда. Однако вероятнее будет предположить, что эти объекты покажутся им, с одной стороны, слишком уж прекрасными, слишком «дорогими» для того, чтобы их просто вот так взять и уничтожить, а с другой — слишком «грязными» для того, чтобы показать кому-то еще. На следующий день жертвы получают письмо с сообщением о том, что через «подарок» на них была наведена порча. Чары заставят их познать свои истинные желания, воплощенные в магических предметах. С этого момента они, помимо прочего, начнут осознавать, что все предшествующее время они выступали врагами человечества, превращая желание в предметы потребления и работая агентами душевного контроля. Магические артефакты будут проникать в их сны и фантазии, делая повседневную работу не просто удручающе скучной, но и подрывающей мораль. И тогда либо желания,

разбуженные магией, разрушат их изнутри на рабочем месте, либо они обратят мысли к восстанию и саботажу. Лучшее, что они могут сделать, — это смыться. Так они сохраняют здоровье ценой своей бессмысленной «карьеры». Если они останутся на службе у медиа, они сгорят от неудовлетворенных желаний, чувства стыда и вины. Или станут повстанцами и научатся сражаться против Ока Вавилона изнутри идола бруха. К этому времени их «шоу» уже готово для полномасштабной магической атаки, которую могут провести шиитские колдуны-террористы, или штурмовой отряд ливийского вуду, или еще кто-нибудь. Конечно, было бы нелишним иметь внутри этой организации своего агента, способного оставлять «следы» и вынюхивать ценную информацию, однако известная часть предложенной схемы может быть реализована без активной инфильтрации в аппарат учреждения. Начальная стадия атаки, возможно, будет проводиться при поддержке печатной пропаганды и даже лозунгов, высылаемых по почте. Различные неудачи и ошибки должны быть подстроены на самом деле, — разумеется, если это возможно. Вы знаете все эти злые шутки. Но, повторяю, это вовсе не обязательно и может даже считаться дополнением к нашему чистому эксперименту в области ебли мозгов и манипуляции образами. Пусть ублюдки самостоятельно выделяют неудачи из собственной депрессии, раз уж они такие злобные кретины, из собственного атавистического тщеславия (без которого они не стали бы служить СМИ), из своего страха перед иным, из своей подавленной сексуальности. Можете быть уверены, так оно и выйдет — они станут вспоминать «проклятье» всякий раз, когда с ними будет случаться что-нибудь нехорошее.

Тот же основной принцип может применяться к информационным системам, отличным от телевидения. Компьютерная компания, например, может быть проклята через ее компьютерную сеть талантливым хакером, хотя лучше избегать научно-фантастических сценариев вроде того, где Уильям Гибсон с боем прорывается в киберпространство — до того это барочно... Рекламные компании, эксплуатирующие магию образа, режиссеры, PR-группы, художественные галереи, юристы и даже политики[9]. Всякий душитель свободы, который сделал своим инструментом образ, сам уязвим для силы образа.

Необходимо особо подчеркнуть, что мы не описываем здесь сценарий Революции, революционной политической акции или даже Мятежа. Это скорее новый вид неогерметического агитпропа, предложения по новому виду «политического искусства», проект для Тонга или мятежных художников, эксперимент в иммедиалистской игре. Прочие будут бороться против притеснителей на поле экспертизы, работы, дискурса, жизни. Будучи художниками, мы выбираем своим полем битвы «искусство», медийные практики. Мы сражаемся против того вида отчуждения, который влияет на нас непосредственно[10]. Мы вступаем в схватку там, где мы живем, вместо того чтобы строить теории о враге где-нибудь еще. Я попытался предложить стратегию и представить некоторые тактики, которые будут развивать эту стратегию. Никаких других заявлений сделано не было, и за сказанным никаких новых деталей не последует. Все остальное — дело Тонга.

Я допускаю, что мой собственный вкус может подсказать мне более жестокие приемы обращения с медиа, чем те, что предложены в этом тексте. В народе поговаривают о «захвате» телестанций, но никто пока что не добился успеха в этом деле. Может быть, в стрельбе по телевизорам, выставленным в витринах магазинов бытовой электроники, несмотря на всю кажущуюся смехотворность этого предприятия, будет больше смысла, чем

в мечтах о захвате телестудий. Но я сознательно дистанцируюсь от предложений применить силу к неофашистам или даже убить одного из псов Джеральдо и делаю это по причинам, которые все еще кажутся мне достаточно вескими. Во-первых, я принял близко к сердцу замечания Ницше по поводу неполноценности и бесплодности реваншизма как политической доктрины. Голая реакция никогда не является достаточным ответом, тем более что в ней нет ничего от благородного пути. Более того, она просто не сработает. Реакционные действия посчитают «атакой на свободу слова». В противоположность этому проект, предложенный здесь, несет внутри своей структуры возможность действительного преобразования чего-нибудь, пусть даже всего лишь «сознаний» нескольких отдельно взятых людей. Другими словами, конструктивный аспект проекта представляет собой единое целое с его деструктивным аспектом. Они неразрывно связаны. Наш дада/вудуистский предмет в одно и то же время и наказывает, и соблазняет, и оба эти эффекта тщательным образом разъяснены в сопроводительных открытках или письмах. В результате у нас появляется шанс обратить кого-нибудь в нашу веру. Конечно, мы также можем легко потерпеть неудачу. Все наши усилия могут в итоге оказаться в мусорной корзине вместе с ненужными бумагами, не заинтересовав тех людей, чье сознание покрыто броней, слишком толстой для того, чтобы ощутить всю ответственность момента. Помимо всего прочего, все это — всего лишь мыслительный эксперимент, или эксперимент в области мышления. Если хотите, можете даже назвать это только формой эстетического критицизма, острие которого направлено не столько на потребителей плохой художественной продукции, сколько на преступников. Время для настоящего насилия еще не пришло хотя бы потому, что производство насилия остается монополией властных институтов. Нет никакого смысла в том, чтобы насадить чью-то голову на пику и бряцать оружием, в то время как над нами реют рукотворные звезды смерти — телеретрансляционные спутники[11].

Наша задача состоит в том, чтобы расширять трещины в якобы несокрушимой твердыне социального дискурса, постоянно отрывать куски от занавеса, прикрывающего бессодержательное зрелище, выявлять и помечать скрытые формы психологического контроля, обозначать на карте пути для побега, отламывать куски от кристаллов, образовавшихся из удушающих информационных паров, греметь кастрюлями и чайниками для того, чтобы пробудить нескольких горожан от медиа транса, использовать внутренние каналы передачи информации[12] для оркестровки наших атак на Империю большой лжи, заново учиться тому, как дышать всем вместе, жить в наших телах, как сопротивляться наркотику «информации». В действительности то, что я назвал «Прямым Действием», больше известно как не прямое, символическое, заражающее, оккультное и потаенное действие, нежели как причиняющее реальный вред, воинствующее и открытое. Мы вместе с нашими природными союзниками обрадуемся даже небольшому успеху. Однако сверхсложная структура может однажды сама потерять координату и связь своих составляющих, и ее сила иссякнет. Этот день может настать (кто мог подумать, что в одно прекрасное утро 1989 года коммунизм испарится?[13]), он может настать тогда, когда перезрелый капитализм начнет таять, ведь в конце концов он всего лишь глупейший сплав выжившего из ума марксизма и фашистских пережитков. В один прекрасный день сама фабрика по производству Общественного Согласия начнет распадаться вместе с экономикой и всем прочим контекстом. Однажды колосс может дрогнуть и зашататься, как статуя Сталина на главной площади какого-нибудь провинциального городка. И в этот день,

возможно, телестудия будет взорвана и останется взорванной. Но до того — одна, две, десять, тысяча оккультных атак на социальные институты.

Давайте представим, что «Революция» свершилась. Мы свободны в своем выборе технологического уровня из широкого спектра возможностей — от примитивизма пещерного века до фантастических постиндустриальных технологий. И что же? Сторонники неопалеолита заставят устремленных в будущее избавиться от техники? Или, может быть, космические младшие братья прикажут Зерзан-итам купить оборудование для виртуальной реальности? Не дай бог. Надеемся, что этого не случится. Вопрос надо ставить в другой плоскости: насколько мне самому нравится жизнь охотников и собирателей в сравнении с жизнью среди эволюционирующей кибернетики? Нужен ли мне компьютер настолько, чтобы я сам взялся за выплавку кремниевых пластин? Ведь после «Революции» никто не возьмется за чужую работу. На этом сходятся все неавторитарные течения. Вам нужен лес, полный дичи? Тогда сами отвечайте за его первозданность. Хотите космический корабль? Только вы ответственны за его постройку, за весь технологический цикл — от добычи руды до отливки носового обтекателя. Приложите все усилия для создания коммуны или рабочей группы, которая займётся этим. Всеми средствами стремитесь к тому, чтобы ваши требования к технологическому уровню не пересекались с чужими. Помимо этих базовых правил, устраняющих возможность гражданской войны, только ваши собственные желания будут формировать технологический ландшафт в непосредственной близости от вас. Как отметил еще Фурье, уровень экономической сложности утопического общества будет находиться в гармонии со всеми желаниями. Я могу примерно предсказать, что может возникнуть. Все, что я себе представляю, это то, что я хотел бы воплотить сам. Лично я (согласно своему вкусу) предвижу что-то весьма напоминающее «боло-боло»: бесконечное разнообразие в едином революционном контексте позитивной свободы. Очевидно, что такие явления, как NASA-боло или Уолл-стрит-боло, невозможны, так как и NASA, и Уолл-стрит не самодостаточны и нуждаются в *отчуждении* для поддержания своего существования. Я могу также предположить, что повсеместно будет распространен низкий уровень технологического развития, или «экологически приемлемый» уровень (предсказанный теоретиками 60-х годов, такими, как Иллич), а местами будут попадаться как зоны, целиком занятые реставрированной перво(з)данностью, так и космодромы, с которых летают на Луну. В любом случае все это — научная фантастика. В своем труде я попытался увидеть тактики, которые могут использоваться любым неавторитарным течением. Как Тонг, так и магическая атака должны подойти и примитивистам, и технологам. Я веду разговор о пользе как магии, так и компьютеров, ибо и то и другое существует в мире, в котором я живу, и будет использовано в борьбе за освобождение. Не только будущее, но и настоящее содержит слишком много возможностей, слишком много ресурсов для того, чтобы все это можно было ограничить какой-либо идеологией, — таков его чрезмерный и всевозрастающий потенциал. Технологическая теория слишком узка. Иммедиализм предлагает вместо этого технологическую эстетику и предпочитает теории практику.

Примечание об архитектуре ВАЗ

Обычно ВАЗ не оставляет после себя никаких разрушений. Строительство — тоже не главный ее приоритет. Но поскольку все обитаемое пространство — это пространство архитектуры, а ВАЗ по определению существует в реальном пространстве и времени, то понятно, что и ВАЗ может обладать собственной архитектурой. Ее прототип — лагерь кочевников. Палатки, трейлеры, дома на колесах, дома на плотках[14]... Шапито старых времен или карнавал могут рассматриваться как модель для архитектуры ВАЗ. В городских условиях пустыри и трущобы становятся самыми подходящими местами для наших целей, но в Америке закон о частной собственности заставляет думать о трущобах как о жизненном пространстве бедняков. ВАЗ требуется пространства изобилия, богатого не столько своей организационной сложностью (как это бывает в подконтрольном пространстве, в официальных зданиях капитала, религии, государства), сколько возможностями самовыражения. Временные игровые площадки, предложенные ситуационистами и городскими радикалами 60-х, обладали некоторым потенциалом, но в итоге оказались слишком дорогими и слишком спланированными. Архитектура городской ВАЗ почти повторяет архитектуру Парижской Коммуны. Микрорайон перекрывается баррикадами. Затем одинаковые дома бедноты связываются проходами, для чего в смежных стенах на высоте первого этажа пробиваются новые дверные проемы. Эти проходы напоминают нам об аркадах Фурье, проходя через которые фаланстерии попадали из личного пространства в общественные места и наоборот. Коммунальный городской блок становится укрепленной ВАЗ, где первый этаж и крыши отданы под общественное пространство вооруженного сопротивления, верхние этажи — под личное пространство, а перекрытые улицы — под территорию фестиваля. Этот план составлен под влиянием проекта Пи-Эм[15]. Там такой блок становится более устойчивой городской утопической коммуной. Что касается ВАЗ, то нельзя не заметить, что в описанном виде она испытывает на себе некоторые последствия собственной закрытости. Парадокс состоит в том, что ее жители сами будут стрелять через все проемы и дыры по «свободному миру», ибо ВАЗ — это убежище от удушающей закрытости Капитала, от трагического уродства индустриального мира. Ее здание лишено ломаных линий и острых углов. Палатка — не тюрьма, аркада — не ворота, баррикада — не проспекты Хауссмана.

Примечания

[1] Гражданские беспорядки, имевшие место в июне 1969 года в Нью-Йорке. Мятеж начался с полицейской облавы на гейбар «Стоунвольский Постоялый Двор» на улице Кристофера в районе Гринвич-вильдж. Начавшись с конфликта междучерными гомосексуалами (основной частью посетителей бара) и полицией, мятеж ширился и охватил значительный район города, продолжавшись несколько ночей. «Стоунвольские беспорядки были водоразделом для геев, и когда плотина была прорвана, через эту дыру в социальных ограничениях хлынули идеализм, агрессия, и страстное желание» пишет историк Иан Янг. — *Прим. пер.*

[2] Распространенная у североамериканских индейцев форма праздника, в ходе которого имущественная верхушка племени избавлялась от избытка накопленных богатств путем их дарения или уничтожения. Таким образом, предотвращалось образование знати, следовательно, государства. — *Прим. пер.*

[3] Очевидно, как и количества самих ее членов — *прим. пер.* Да нет, не очевидно: коммуна может быть антинаталистской — *прим. публикатора.*

[4] Я не использую здесь термин «гипермедиа» в том смысле, который был придан ему нашими товарищами из Ксексоксиальной Эндархии: под «гипермедиа» они подразумевают простое сведение всех творческих информационных потоков в один пучок для достижения единого эффекта (для них это следующий шаг после «смешанного медиа»)... Я использую понятие «гипермедиа́ция», имея в виду репрезентацию реальности, доведенную до высшей степени унижительного отчуждения, находящей свое воплощение в продуктах потребления. — *Прим. автора*

[5] Учение мормонов было основано шайками бродячих масонских оккультистов. Лидеры мормонов до сих пор крайне чувствительны к беспокойным призракам старины. Римская Католическая Церковь может воспринять «магическую атаку» как знак Миллениума со всем присущим ей философским спокойствием и чистоитальянскими разглагольствованиями, в то время как мормоны возьмутся за оружие. — *Прим. автора*

[6] Главное не попасться с поличным, так как наказание нейтрализует всю силу, которую мы собрались накопить или применить, и даже может обратить нашу силу против нас. Хорошая акция Прямого Действия должна пройти относительно безнаказанно, как ни парадоксально это звучит. Отчисление из университета может испортить весь эффект. Иммедиализм хочет видеть в своих рядах боевиков от искусства, а не мучеников. — *Прим. автора.*

[7] Проблема с большей частью «трансгрессивного» искусства состоит в том, что оно не позволяет выходить за рамки, обозначенные ценностями Общественного Договора. Более того, оно возвращает эти ценности, точнее, доводит их до крайней степени вырождения. Эстетическое помешательство на «Смерти» представляет собой превосходный товар (то есть образ без внутреннего содержания), но если придать образу Смерти подлинный смысл, покупатели этого товара мигом переведутся. Покупать смерть — значит, покупать либо бездну несчастья, либо фашизм — обрыв, стоя над которым трепетал сам Батай, пытаюсь удержаться от падения. Я говорю это, несмотря на свое восхищение Батаем. — *Прим. автора*

[8] Это навсегда закроет дорогу к появлению таких картин на экранах телевизоров или страницах газет, а кроме того, заставит задуматься о взаимоотношениях между «красотой» и «пороком», между «искусством» и «цензурой», и т.д., и т.п. — *Прим. автора*

[9] «Политики» в массе своей не заслуживают того, чтобы быть объектами для атаки, ибо они всего лишь «бумажные тигры», но, возможно, их стоит атаковать именно как бумажных тигров. — *Прим. автора*

[10] Тут лидер "Онтологических Анархистов" заговаривается — отчуждение, конечно, не может «непосредственно влиять», так как механизм отчуждения как раз и состоит в опосредовании любого отношения. — *Прим. пер.*

[11] Хвала активистам, уничтожившим такой спутник при помощи топоров еще на земле Калифорнии. К несчастью, они были пойманы и наказаны. Их зарплаты пошли на покрытие причиненного ущерба. Плохо. — *Прим. автора*

[12] Внутренние информационные каналы по определению не проникают в подсознание масс подобно телевидению, фильмам, газетам. Но они могут «обращаться» к индивидууму. Ультракоротковолновое радио, открытые кабельные сети, малотиражная пресса, компакт-диски и кассеты, программное обеспечение и другие виды информационных технологий (*в нашем веке это сайты в Tor и I2P, RSS-раздачи, каналы в Session messenger, торренты и приложения на базе торрентов (Bastyon), обмен агитпропом в IPFS или NOSTR, бесчисленные мини-сайты на базе neocities, \$PUSH, приватные аналоги YouTube (Odysee), и многое другое — прим. публикатора*) могут использоваться для организации внутренних информационных каналов. Идея «гипермедиа» как средства для подготовки восстания, предложенная Ксексок-сиальной Эндархией, здесь приобретает первостепенное значение. Сегодня внутри неавторитарной теории существуют два противоборствующих течения — примитивисты, выступающие против технических средств («Пятое Сословие» 12, «Анархия: Журнал Воинствующего Желания», Джон Зерзан) и футурологи — сторонники технологии (в том числе анархо-синдикалисты от левого крыла и анархо-либертарианцы от правого). Я нахожу аргументы как тех, так и других чрезвычайно информативными и вдохновляющими. В теории ВАЗ и практически повсюду я пытался мысленно примирить обе эти позиции в лоне моей собственной концепции. Теперь я полагаю, что на вопрос, поставленный сторонниками этих двух течений, нельзя ответить никак иначе, кроме как в практическом (другими словами, в политическом) процессе реализации желания. — *Прим. автора.*

[13] Занимательно, что автор считает, будто в СССР был коммунизм. Вероятно, большевизм назван коммунизмом просто ради "красного словца". — *прим. публикатора*

[14] Стоит добавить ещё одно сильное неупомянутое место для мощного ВАЗ: сквоты. — *прим. публикатора*

[15] За этими инициалами скрывается автор книги «Боло-боло». — *Прим. пер*

Версия #2

Зверобой создал 12 мая 2025 23:34:17

Зверобой обновил 13 мая 2025 00:23:39